

^ Фумихико Маки / Fumihiko Maki

Основной чертой прекариатов считается неустойчивое, лишенное гарантий завтрашнего дня положение. Однако тревожное ощущение неустойчивости и ненадежности существования может быть обусловлено не только социальными причинами. Японский архипелаг по природным условиям – одно из наиболее опасных мест на планете. Страна, где природные силы в любой момент могут напомнить, насколько мы, люди, зависимы от их могучих капризов. В этих условиях сформировалась уникальная культура региона-прекариата. очередной фрагмент книги профессора Георгия Станишева представляет собой интервью с одним из основателей японского метаболизма – Фумихико Маки. Мастер размышляет о послевоенном поколении японцев, о культурных потрясениях шестидесятых годов, о специфическом языке архитектуры, на котором она разговаривает с Природой.

Ключевые слова: архитектура; японский метаболизм; Георги Станишев; Фумихико Маки. /

The main feature of precariats is their unstable status that gives no guarantees of a secure future. However, the uneasy feeling of instability and insecurity of life can be caused not only by social reasons. The Japanese archipelago is a place where natural disasters occur most frequently in the world. It is a country where natural forces at any moment can remind how we the people are dependent on their mighty caprices. In such conditions, the precariat region's unique culture has developed. The next fragment of the book by Georgi Stanishev presents an interview with one of the founders of Japanese Metabolism, Fumihiko Maki. The master reflects about the post-war Japanese generation, the cultural disturbances of the 1960s and the specific language used by architecture to speak with Nature.

Keywords: architecture; Japanese Metabolism; Georgi Stanishev; Fumihiko Maki

«Плавающий» модернизм / “Floating” Modernism

Изменения в культурном и социальном климате в XX–XXI веке накладывали различные идеологические и концептуальные артикуляции на архитектурную профессию. Архитектура модернизма структурно трансформируется из набора концептуальных линий в общее мышление, в коллекцию влиятельных индивидуальностей, вокруг которых группируются сочувствующие архитектурные апологеты. Идеология коллективного сопереживания времени и его горизонтов заменяется мозаикой ориентаций и векторов, поддерживающих некоторые микролокальные или микроглобальные краткосрочные перспективы. Эпоха множества национальных архитектурных школ со значительным уровнем лингвистического разнообразия в модернистской доктрине изменилась с течением времени, и теперь многие архитекторы разных направлений делают практически одно и то же. В процессе перехода между этими двумя историческими моделями «последним коллективным авангардом современной архитектуры», по словам Колхаса, было движение метаболизма в Японии.

В беседе, состоявшейся в Софии в 2012 году, один из основателей метаболистической философии Фумихико Маки поделился своими идеями о роли и влиянии метаболизма, на происходящие изменения и на личные творческие модели, которые делают архитектуру в этих новых условиях.

Георгий Станишев

Из того, что вы говорите, возникает впечатление, что вы хотите обсудить три темы: философия метаболизма и его связь с концепцией плавающего модернизма; концепция коллективной формы и ее связь с современными теориями о городе; идея спокойного пространства и языка архитектуры. Начнем с первой темы. Я не знаю, следует ли рассматривать метаболизм как специфическое японское явление и может ли это происходить в другой культуре, где-то еще или в другое время...

Хотя я бы не использовал понятия «японский» или «восточный», чтобы квалифицировать это движение; это продукт определенного времени и места – Японии 1960-х годов. Вторая мировая война закончилась в 1945 году, и всем нам приходилось непросто. К счастью, однако, мы поняли, что будущее может принести нам нечто, ранее не испытанное. Это одно из смутных чувств, которые владели нами в то время. У нас также были наши многолетние архитектурные традиции, и мы думали, что можем сделать что-то для лучшего будущего. Мы больше не питаем иллюзий насчет «светлого завтра», но именно в то время (десять или пятнадцать лет после войны) наши города, наша окружающая среда стали выглядеть такими незавершенными, какими остаются и сейчас.

Наши города все еще были опустошены, но именно из этого разрушения мы извлекали наши надежды. И я подумал – я имею в виду не только людей моего

текст
Георгий Станишев /
text
Georgi Stanishev

> Метаболистическая конструкция Гольджи, 1967 г.
/ The Golgi Structure, 1967

The changes in the cultural and social climate in the 20th-21st centuries imposed different ideological and conceptual articulations on the architectural profession. Modernist architecture is structurally evolving from a set of conceptual lines into a common thinking, a collection of influential individuals surrounded by sympathizing architectural apologists. The ideology of collective experience of time and its horizons is replaced by a mosaic of orientations and vectors supporting some microlocal or microglobal short-term prospects. The epoch of a variety of national architectural schools with a considerable level of linguistic diversity in the modernist doctrine has changed over time, and now many architects from different schools do practically the same. In the course of the transition between these two historical models, "the last moment when architecture was a public rather than a private affair", according to Koolhaas, was Metabolism, the Japanese architectural avant-garde movement.

In the conversation held in Sofia in 2012, one of the founders of the Metabolism philosophy, Fumihiko Maki shared his ideas on the role and the impact of Metabolism on the current changes and personal creative models, which constitute architecture in the new context.

Georgi Stanishev

From what you are saying, it seems that you want to discuss three topics: the philosophy of Metabolism and its connection with the concept of floating modernism; the concept of collective form and its relation to the contemporary urban theories; and the idea of a tranquil space and the language of architecture. Let's start from the first topic. I don't know if Metabolism should be viewed as a specific Japanese phenomenon or it may occur in another culture, at another time or place...

Though I wouldn't use such notions as "Japanese" or "Oriental" to characterize this movement, it is a product

в Спорткомплекс в Фуд-
жисава, 1984 г. / Fujisawa
Municipal Gymnasium, 1984

of a certain time and place, which was Japan in the 1960s. World War II finished in 1945, and it was a hard time for us all. Fortunately, we realized that the future would bring us something we had never experienced before. It was one of our uneasy feelings at that time. We also had long-lived architectural traditions, and we thought we could do something for a better future. Now we don't live in an illusion of a brighter future any more, but at that very time (ten or fifteen years after the war), our cities and environment looked as unaccomplished as they remain until now.

Our cities were still deserted, but we derived our hopes from that desertedness. So I thought that we (I mean my generation as well as older people, like Mr Tange) can propose to our people and the whole architectural community something valuable, brand new and genuine.

I think the emergence of Metabolism was inevitable. But it was also a result of certain conditions at a certain time and place, though the character of the Metabolism manifes-

to was fully antihistorical.

It is often thought that Metabolism can be correlated to some political platforms of postwar Japan. Indeed, Noboru Kawazoe was interested in Marx and even called the idea of Metabolism "Japanese Marxism"... I don't consider this impact to be strong or long-lasting. Maybe Kawazoe... Kurokawa went to Moscow when he was a student, but I don't think he was a Marxist. And I don't think there were any political connotations in the movement during that period.

Metabolism and the present time

But I cannot but agree that Metabolism offers a much more optimistic and collective world than we have today... Even our own group was like a group of like-minded people with common visions of the future... I think that in the 1960s we all felt as if we were on a large ship bound for a common horizon... We all believed in it.

поколения, но и пожилых людей, таких, как мистер Танге, – что мы можем предложить нашим людям и архитектурному сообществу в целом что-то стоящее, что-то совершенно новое и подлинное.

Я считаю, что возникновение метаболизма было неизбежным, но оно же явилось результатом определенных обстоятельств в конкретном времени и месте. Хотя по самой своей природе, манифест метаболизма был полностью антиисторическим.

Есть мнения, что в послевоенный период метаболизм может быть увязан с некоторыми политическими платформами в Японии. Действительно, Нобору Кавазое (1) интересовался Марксом и даже называл идею метаболизма «японским марксизмом»... Я не думаю, что это действительно имело какое-либо сильное или продолжительное влияние. Кавазое, может быть... Курокава поехал в Москву, когда он был студентом, но я не думаю, что он был марксистом. И я не думаю, что в этот период в движении наблюдались какие-то политические коннотации.

Метаболизм и современность

Но я не могу не согласиться с тем, что метаболизм предлагает гораздо более оптимистичный и более коллективистский мир, чем тот, который у нас есть сегодня... Даже наша собственная группа была похожа на группу со-мыслителей с общими взглядами на будущее... Я думаю, что в 1960-х годах мы все чувствовали себя на большом корабле, который двигался к общему горизонту... Мы все так считали.

Сегодня модернизм закончился – как это было в его первоначальном контексте, в виде идеологии, манифестов и т. д. И мы живем в обществе, в котором архитекторы больше не путешествуют на одном корабле. Мы брошены в океан, все плавают на поверхности, и все одиноки... Парадокс в том, что сегодня у нас есть несколько способов общения – публикации, информационные сети и т. д. – и все же будет очень сложно (я имею в виду технически) увидеть общую картину или попытаться предпринять совместные действия со стороны архитекторов. Это потому, что архитекторы, как правило, в настоящее время не привязаны, они «плавают», независимо от того,

хотя они или нет, как независимые суда без единого направления. И так, как я уже сказал, модернизм теперь стал универсальным контейнером – как банк для денег; как библиотека, в которой хранятся книги; как супермаркет, где различные виды еды собраны вместе механическим способом... Это похоже на большую миску супа, в которую мы помещаем разные ингредиенты – рыбу, овощи и т. д., но ни один из этих ингредиентов не знает, с какой целью варится суп и какие продукты в нем смешиваются.

В отличие от эпохи 50 лет назад, когда карта архитектуры была четко структурирована и открыто заявлена, сегодня все смешалось, поэтому очень сложно иметь какие-то единые или прочные мнения или идеи для всего...

Возможно, именно поэтому мы испытываем некоторую ностальгию по всему послевоенному периоду, и не толь-

^ Фумихико Маки и Масато Отака. Проект реконструкции терминала Синдзюку, Токио (модель), 1960 г.

Today, modernism in terms of its initial context, ideology and manifestos has come to an end. We are living in a society where architects are no more on the same ship. We are thrown into the ocean; everybody is floating on the surface, all alone... Paradoxically, today we have several means of communication (publications, information networks etc.), but it is still technically very difficult for architects to see a general picture or to take joint actions. It is because now architects are usually not bound, they are "floating", no matter whether they want it or not, like independent vessels having no common direction. So, as I have already said, modernism has become a universal container – like a bank for money; like a library for books; like a supermarket where different kinds of food are mechanically gathered together... It is like a large soup plate where we place different ingredients: fish, vegetables, etc., but neither of these ingredients knows the purpose of the soup and what products are mixed in it.

Unlike 50 years ago, when the map of architecture was strictly structured and openly declared, today everything is mixed up, that is why it is difficult to have any common and solid ideas for this...

Probably, because of it we feel a kind of nostalgia for the whole postwar period, and not only for the Metabolism platform, but also for the British and Italian avant-garde of that time. However, the situation has radically changed since then. After the 1980s, we were no longer onboard that ship. And today, we are still in this unprecedented ocean, having no direction and feeling nostalgia for those times where things were more definite, more optimistic and, certainly, more collectivist than now... Together with Le Corbusier, Mies van der Rohe, Aalto and Wright, we gathered all the passengers on deck to give rise to one big idea... Sometimes there was a consensus, and we decided to unite around a common manifesto, and sometimes we argued. Now, in the absence of the ship, there is neither a unity nor

ко по платформе метаболизма, но и по британскому и итальянскому авангарду того времени. Но с тех пор ситуация радикально изменилась. После 80-х мы больше не плавали на таком корабле. И сегодня мы находимся в этом беспрецедентном океане без направления, и мы чувствуем в себе ностальгию по временам, когда вещи были более определенными, более оптимистичными и, безусловно, более коллективистскими, чем теперь... Вместе с Ле Корбюзье, Мисом ван дер Роэ, Аалто, Райтом мы собирали всех пассажиров на палубе, чтобы породить одну большую идею... Иногда был консенсус, и мы решали объединиться вокруг общего манифеста, а иногда мы спорили. Теперь, когда нет этого корабля, нет ни согласия, ни конфликта, все становится относительным в этом мире, где все разрешено, и люди становятся более циничными. Вот почему сегодня никто не может придумать манифест, как это было в 1960-х годах.

Каковы компоненты, которые отсутствуют в современном обществе, из-за которых невозможно предложить общую перспективу? Видите ли, сегодня мы живем в эпоху какого-то циничного релятивизма (2), в ситуации общего кризиса идентичности.

Я думаю, что в этих условиях важно, чтобы каждый, по крайней мере, принял ответственное решение, как он соотносится с другими – идеями, группами и позициями. В этих условиях ответственность архитектурных историков и критиков заключается в том, чтобы говорить не о зданиях или проектах, а о том, что происходит в более широких масштабах, в том числе о событиях недавнего прошлого. К сожалению, конструктивная критика уже не так сильна, и это очень плохо. Конечно, я уважаю таких архитектурных мыслителей, как Колин Роу (3), Кевин Линч (4), Манфредо Тафури (5) и Кеннет Фрэмpton (6), но людей этого уровня слишком мало... Таких критиков нужно гораздо больше для развития архитектуры, потому что сегодня мы слишком заняты производством, и мы довольно ленивы, чтобы оценить, что мы делаем или что мы уже сделали.

Плавающий модернизм

Релятивистская идея плавающего модернизма гласит, что архитектурная культура развивается в постоянном обмене между различными существующими традициями. Но этот обмен часто очень интуитивен, без серьезных

> Новое здание Медиалаборатории МТИ, (MIT Media Lab Complex), Кембридж, Массачусетс, 2012 / MIT's new Media Lab Complex, Cambridge, Massachusetts, 2012

a conflict. Everything becomes relative in the world where everything is permitted, and people become more cynic. That is why nobody can create a manifesto, as it was in the 1960s.

What are the components missing in the present-day society, without which it is impossible to outline a common prospect? The matter is that we are living in the epoch of cynic relativism, against the background of the overall crisis of identity.

I think that in these circumstances it is important for everybody to make a responsible decision in relation to other ideas, groups and positions. The responsibility of architectural historians and critics involves speaking not only about buildings or projects, but rather about what happens on a larger scale, including the recent events. Unfortunately, constructive criticism is not already so strong, and this is very bad. Of course, I respect such architectural thinkers as Colin Rowe, Kevin Lynch, Manfredo Tafuri and Kenneth

Frampton, but there are too few people of such level... The development of architecture demands much more of such critics, because we are now too busy with production and too lazy to evaluate what we are doing and what we have already done.

Floating modernism

The relativist idea of floating modernism asserts that architectural culture evolves through continuous exchange between different existing traditions. But this exchange is often very intuitional, lacking serious research. In my article "Floating Modernism", I say that now there are conditions for the emergence of new regionalisms. It provides broader opportunities for everyone to draw upon others... But you see, it demands a strong personality and freedom of selection, choice, acceptance or denial... Being conquered by the Ottoman Empire or the Habsburg Empire or someone else, you cannot be independent. Japan,

исследований. В своей статье «Плавающий модернизм» я говорю, что сегодня существуют условия для возникновения новых регионализмов, и это дает широкие возможности, когда каждый человек может свободно черпать у других... Но видите ли, для этого нужна сильная личность и свобода подбора, выбора, принятия или отвержения... Представьте, что вы завоеваны Османской империей, или империей Габсбургов, или кем-либо; тогда вы не можете быть независимыми. Но у Японии был исторический период, когда мы в основном оставались одни, чтобы развиваться самостоятельно, а затем мы смогли воспринимать то, что нам нравится, и отвергать что-то другое. Таким образом, в 1850 году, когда мы открываем свою страну, мы пытаемся получить лучшее из-за границы. Мы не берем все подряд из Англии – мы берем только законы, но не архитектуру. Мы принимаем технологии и лекарства из Германии, искусства и кухню из Франции и т. д. Мы смогли выбирать, и проблема сегодня – где бы мы ни жили – можем ли мы построить свою собственную базу для отбора, когда мы окружены множеством опций? Я думаю, что это очень важно для нашей культуры, и для вас тоже. К счастью, в Японии у нас давняя традиция поглощения влияний, поэтому в течение некоторого времени нам удалось разработать определенный тип модернизма. Тем не менее, я думаю, что сегодня у нас нет сильной собственной идентичности, поэтому мы теряем больше, чем получаем.

Если сегодня невозможно иметь общее видение и общее понимание, каков может быть их эквивалент, который «слепит» индивидуальные человеческие надежды и ожидания в некий Цайтгейст (7), дух времени? То, что мы, в общем, потеряли, – это чувство общего, совместного будущего. Однако я думаю, что во всех этих хаотических движениях сегодня есть общий элемент, и это своего рода новый гуманизм. Но не как гуманизм эпохи Возрождения или гуманный подход скандинавского региона двадцатых, тридцатых и сороковых годов прошлого века – сегодня очень важная идея заключается в том, как иметь дело с человеком в обеих его формах: первый – очень общий взгляд на общий знаменатель всех людей, а другой – на конкретную идею каждого человека, определяемую регионом, культурой, временем и т. д. Баланс между этими двумя аспектами – это гуманитарная надежда, которую я разделяю...

Да, действительно, это похоже на простую дихотомию (8) и во всем мире, и локально... Но эта связь кажется слишком всеобъемлющей, чтобы иметь возможность форматировать что-то вроде направления или тенденции, устанавливать недостающий вектор эволюции. Однако я думаю, это очень важно; по крайней мере, это важно для меня... Задача состоит в том, чтобы понять, как учесть человека в обоих его измерениях в процессах проектирования и строительства и позволить людям жить в наших пространствах – потому что я думаю, что се-

< Медиалаборатория МТИ, интерьер лобби / MIT Media Lab, lobby interior

< Медиалаборатория МТИ, макет / MIT Media Lab, model

however, had a historical period of being alone to develop independently, and then we could accept what we liked and deny something else. Thus, in 1850, when we opened our country, we tried to draw upon the best from abroad. We didn't take everything from Great Britain – only the legislation, but not architecture. We accepted technologies and medication from Germany; arts and cuisine from France, etc. We had a choice. Today, the problem is, wherever we live, whether we can create our own selection basis while being surrounded by numerous options. I think it is crucial for our culture and for you too. Fortunately, Japan has an old tradition to absorb impacts, that is why, over a period of time, we have managed to work out a certain type of modernism. Nevertheless, I think that today our identity is not strong enough, so we lose more than we gain.

If it is now impossible to have a common vision and understanding, then what their equivalent can integrate individual human hopes and expectances into Zeitgeist,

the spirit of the times? What we have lost is a feeling of the common future. However, I think all these chaotic movements now have a common element – a sort of new humanism. But it is not Renaissance humanism or a humane approach of the Scandinavian region of the 1920s, 30s and 40s. A very important idea at the present time is how to deal with a human in the two forms: the first is a general view on the common denominator of all people; and the second is a view on a concrete idea of every human defined by the region, culture, time, etc. The balance between these two aspects is a humanitarian hope that I share...

Indeed, it looks like a simple dichotomy both globally and locally... However, this connection seems too universal to form something like a direction or tendency, to plot a missing vector of evolution. Though I think it is important, at least for me... The task is to understand and consider a human in the two dimensions during design and construction processes and to give the opportunity for people to

> Четвертое здание
Мирового торгового
центра, Нью-Йорк, 2013 г.
/ 4 World Trade Center, New
York, 2013

> Четвертое здание МТЦ.
Фасад / 4 World Trade
Center, façade

годня мы слишком заняты; мы производим, не оставляя себе времени думать. Даже если будущее неизвестно и оказывается, что мы не смогли точно спланировать его, наша цель должна состоять в том, чтобы понять, каковы отношения людей и поведение, возникающее из артефактов, которые мы производим; мне также очень интересно наблюдать особые условия или ситуации, связанные со зданиями, которые я построил. Например, как вы знаете, тридцать лет назад мы построили Hillside Terrace (9), а мой офис находился совсем рядом. Поэтому я всегда мог видеть, как развивается пространство; это глобальный процесс обучения для всех архитекторов.

Коллективная форма

Здесь возникает предположение о том, что мы не можем планировать будущее, но мы можем терпеливо наблюдать, как происходят события, обусловленные их собственными силами, закономерностями и правилами... И если мы не можем прогнозировать и планировать, нам просто нужно создать условия для всего, что должно произойти.

Создание условий для свободы... Это подводит нас к третьей теме. Я думаю, что идея коллективной формы, которую я разработал в 1960-х годах, является значительным достижением, которое резонирует с большинством современных стратегий городского планирования и дизайна. Как я понял эту идею? Я много путешествовал по Южной Европе, по Ближнему Востоку и Азии и во многих городах начал осознавать определенные генетические формы, созданные без преднамеренного желания... Эти формы отражали модели городского роста. Обычно мы думаем, что внесение порядка в город требует абсолютной власти, чтобы навязываться в виде мегаструктуры, но как только я обнаружил эффект коллективной формы, я решил, что порядок может быть укоренен в этом естественном процессе генетического развития, т. е. пространство может быть организовано путем перехода в противоположном направлении. Таким образом, мой путь к метаболизму сформировался не мечтой о мегаструктурах, но он прошел через облик групповых форм и таким образом ввел новый порядок.

live in our spaces, because I think that today we are too busy with production, leaving no time for thinking. Even if the future is unknown and it turns out that we cannot plan it properly, our aim should be to understand the people's relations and behavior arising from the artifacts produced by us. It is also very interesting to observe specific conditions or situations related to the buildings I built. For example, as you know, thirty years ago we built Hillside Terrace. Since my office was very close to it, I could always watch how the space developed. It is a global training process for all architects.

Collective form

Here we may suppose that we cannot plan the future, but we can patiently watch the events driven by their own forces, regularities and rules... And if we cannot forecast or plan, we should just create conditions for everything that will happen.

Эта идея может быть связана с теориями самоорганизации Пригожина, Стенгерс (10), а затем Мануэля де Ланды (11). И это в значительной степени связывает обмен веществ с нашим временем, когда города и здания рассматриваются как развивающиеся системы, раскрывая их способность адаптироваться к постоянно меняющимся обстоятельствам, как к живым органическим системам...

Да, я считаю, что это именно так. И это условие существования свободы, как вы сказали. Здания действительно развиваются, как личности. У меня есть аналогичный опыт наблюдения за тем, как здания развиваются, иногда портятся; затем, если мы достаточно чувствительны, нам нужно выяснить, где нам нужно внести коррективы. Я думаю, что эти наблюдения – как время приносит перемены и как адаптируются к ним здания – заставляют нас, архитекторов, чувствовать себя очень скромными. Но сегодня я не столько защищаю тезис о саморазвитии, сколько использую его на практике, а иногда пытаюсь его объяснить.

Я думаю, что эта забота о человеке в архитектуре очень важна и должна разделяться большим количеством людей. Коллективная форма урбанизма всегда является неким результатом эволюционного процесса, результатом адаптации системы к внешним обстоятельствам. Эти квазиорганические системы чувствительны, даже если они применяются локально... Как и при акупунктуре, весь организм города реагирует на локальное архитектурное решение. Каковы силы, которые регулируют коллективные формы в пространстве и делают коллективную форму настолько заметной? Я отвечаю на ваш вопрос двумя способами: один относится к Hillside Terraces, а другой – к коллективной форме в целом. В Hillside Terrace рост происходил без генерального плана. Этот объект рос в течение двадцати пяти лет – сначала я работал над небольшой частью проекта, через несколько лет клиент попросил меня пройти второй этап и так далее.

Поиск несовершенства

Было ли это задумано с самого начала? Вначале, к сожалению, у нашего клиента не было достаточного капитала, чтобы все осознать за один раз. В значительной степени все происходило случайно, но в этом я нашел смысл.

Creating conditions for freedom... It leads us to the third subject. I think that the collective form theory worked out by me in the 1960s is a significant achievement resonating with most of the contemporary town planning and design strategies. How did I understand this idea? I travelled a lot around South Europe, the Near East and Asia; and in many cities, I started to comprehend certain genetic forms created unintentionally... Those forms reflected the models of urban growth. We usually think that bringing order to the city demands an absolute power to impose it as a megastructure. But as soon as I noticed an effect of collective form, I decided that the order can be rooted in this natural process of genetic development, that is space can be organized by reverse transition. Thus, my way to Metabolism was not based on the dream of megastructures, but, running through the idea of group forms, it introduced a new order.

На протяжении всего процесса на каждом этапе у меня была возможность очень внимательно наблюдать за процессом разработки и думать, что будет лучшим решением для второго, третьего этапа и т. д. Затем я начал думать, что, как только ситуация меняется со временем, жилье, которое мы строим, должно отражать меняющийся контекст: для каждой фазы необходимо разработать другую типологию домов, отражающую меняющийся образ жизни в Токио в течение этих двадцати пяти лет. Но с самого начала все случайно и непредсказуемо.

Теперь, чтобы вернуться к более общему ответу на ваш вопрос о силах, которые управляют городской текстурой. Здесь я могу сказать, что у нас нет коллективной формы другого вида, чем тот, который программируется местом, клиентом и т. д. Но в то же время меня всегда интересовало пространство между объектами. Если у нас есть два объекта, пространство между ними столь же важно,

в Общественный политический центр «Аненберг», Университет Пенсильвании, 2011 / Annenberg Public Policy Center, University of Pennsylvania, 2011

This idea can be related to the self-organization theories of Prigogine, Stengers, and then Manuel de Landa. This closely links Metabolism with our times, considering cities and buildings as evolving systems and revealing their ability to adapt to constantly changing conditions as to living organic systems...

Yes, I think so. And it is a condition for freedom, as you say. Buildings really evolve, like personalities. Similarly, I watch buildings evolve and sometimes get out of order, and then, if we are sensitive enough, we should figure out where to make adjustments. I think that these observations of how time brings changes and how buildings adapt to them make us architects feel ourselves very modest. But today, I don't support the thesis on self-development so much as I use it in practice, sometimes trying to explain it.

I think this concern for a human is very important and should be shared more broadly in architecture. The collective form of urbanism is always a result of the evolutionary

process, of the adaptation of the system to external conditions. These quasi-organic systems are sensitive, even if locally used... Like in acupuncture, the whole organism of the city responds to the local architectural solution. What are the forces that regulate collective forms in the space and make a collective form so noticeable? I will answer your question in two ways: one is related to Hillside Terrace, and the other – to the collective form as a whole. The growth of Hillside Terrace occurred without a master plan. Its growth lasted twenty-five years: first I worked on a small part of the project; and after several years the client asked me to perform the second stage, etc.

Searching for imperfection

Was it planned from the beginning? Initially, our client didn't have enough funds to realize everything at a time. It mostly happened accidentally, but I found it reasonable. Throughout the process, at every stage, I had

^ Офисное здание на площади Астор, Нью-Йорк, 2012 г. / The office building in Astor Place, New York, 2012

^ Эскизы Маки, представляющие композиционные, мега- и коллективные формы. Проект „Хиллсайд Террас“, Токио, строился в течение 30 лет с постепенной достройкой, следующей логике создания коллективной формы / Maki's sketches presenting compositional mega- and collective forms. Hillside Terrace, Tokyo was built over 30 years with gradual addition, following the logic of creation of collective form

как и сами артефакты. У пространства есть своего рода заряд.

Иногда это пустое пространство может влиять на формирование объектов, возможно также и обратное. Можно считать, что это рецепт для векторного процесса, который вы задавали. Массивные архитектурные пространства и пустые пространства, а также напряженность между ними... Но когда вы спрашиваете, есть ли в пространстве и времени вектор, определяющий коллективную форму, я не могу ответить, потому что у меня должен быть набор конкретных обстоятельств, на которых можно выделить определенные векторы, управляющие формообразованием. Вообще говоря, власть – это желание перемен. Слова «генетическая форма» и «изменение» являются ключевыми для метаболизма. Формирование вектора может включать любые обстоятельства, которые влияют на рост городской структуры. Вы видите, наш город никогда не будет идеальным, потому что мы, люди, постоянно меняемся. Один мой друг сказал однажды: город всегда будет несовершенным. Я склонен согласиться с ним.

Поэтому вы правы, несовершенство – это в какой-то мере движущая сила развития городского организма... В какой-то мере – да, иначе не было бы никаких комментариев или протестов – в этом смысле я принимаю несовершенство. Когда я был молод, у меня было другое отношение: я думал, что когда-нибудь смогу создать что-то более совершенное.

Совершенное несовершенство... Согласимся, что с возрастом человек становится немного циничным и теряет веру в совершенство. В последнее время у нас есть много проектов за рубежом – в Сингапуре, на Тайване, в США и Европе, но вы понимаете, что архитектура должна быть связана с определенным временем, местом и обстоятельствами. Естественно возникает вопрос: как нам удается формировать проекты, хотя условия настолько разные? И здесь я хочу сказать что-то очень простое, но важное... Я стараюсь создавать пространства, которые нравятся людям. Я думаю, что это моя самая важная миссия. Если людям не нравится то, что я сделал, мне нужно подумать, где я ошибаюсь.

Причина, по которой мне всегда интересно наблюдать и ценить то, что мы создали, – это то, что я хочу посмо-

an opportunity to watch the elaboration very attentively and think about the best solution for the second, the third and other stages. Then I started to think that, as the situation changes over time, the dwelling built by us should reflect the changing context. Each stage demands working out a new typology of houses, which would reflect the style of life in Tokyo changing over these twenty-five years. However, from the beginning, everything was accidental and unpredictable.

To come back to a more general answer to your question about the forces controlling the urban fabric, I can say that we have no other type of collective form than the one programmed by the place, the client etc. At the same time, I have always been interested in the space between objects. If we have two objects, the space between them is as important as the artifacts. The space has a sort of charge.

Sometimes this empty space may influence the formation of objects, and the converse is also possible. We can

assume it to be a formula for the vector process specified by you. Massive architectural spaces and empty spaces, as well as tensions between them... But when you ask me if there is a vector in space and time that determines the collective form, I have no answer, because I need a combination of concrete circumstances to distinguish certain vectors that define form making. In general, power is a desire for changes. "Genetic form" and "change" are the key words for Metabolism. Formation of the vector may imply any circumstances that influence the growth of urban structure. You see, our city will never be ideal, because we the people are constantly changing. A friend of mine once said, "The city will always be imperfect". I tend to agree with him.

You are right, imperfection is to some extent a driving force of development of the urban organism... Yes, to some extent, because otherwise there would be neither comments nor protests. I accept imperfection in this sense.

треть, как работает пространство, и посмотреть, действительно ли оно работает как архитектурный объект. В Массачусетском технологическом институте мы создали медиа-лабораторию, чье 25-летие отмечалось в прошлом году. Многие исследователи говорили о своей работе и условиях, в которых они работают. Все признавали, что с момента их работы в новом здании их научная работа еще больше стимулировалась самим пространством. Я не могу описать, насколько я счастлив... Они не уточняли, насколько прекрасно это выглядит, насколько там красиво или какие материалы там использованы, но само это пространство стимулирует их в повседневной жизни. Я получил истинное профессиональное удовлетворение. Я слышал другие признания – о здании крематория, которое я разработал, – и я слышал, как люди говорили, что будут счастливы умереть в этом месте!

Мы всегда должны думать, как угодить людям, как доставить им удовольствие. Витрувий сформулировал три основные ценности в архитектуре – удобство, прочность, красота (12). Третий принцип – *venustas*, или красота, как переводилось в университетах, позже интерпретировался другим ученым не как красота, а как удовольствие, наслаждение. В настоящее время многие ученые воспринимают именно эту интерпретацию, поскольку красота подчиняется времени, культуре и даже личному вкусу, а удовольствие – это нечто более фундаментальное, присущее как людям, так и животным. Если ваш проект, ваше пространство может предложить людям разные виды удовольствия, вы можете считать себя счастливым архитектором.

Поэтому можно сказать, что одна из важных миссий архитектора состоит в том, чтобы обеспечить удовольствие через пространство, которое он создает...

Краткая биография

Фумихико Маки родился в Токио в 1928 году. Получил степень бакалавра архитектуры в Токийском университете и степень магистра в Соединенных Штатах, в Академии искусств Кранбрук в Мичигане и в Школе дизайна Гарвардского университета. Прежде чем вернуться в Токио в 1965 году, чтобы открыть свою собственную компанию, Маки работал в офисах SOM, Sert Jackson и Associates

< Хиллсайд Террас с птичьего полета / A bird's-eye view of Hillside Terrace

в Хиллсайд Террас, уличный интерьер / Hillside Terrace, street interior

When I was young, I had another opinion – I thought one day I would create something more perfect.

A perfect imperfection... As people grow, they become more cynic and cease to believe in perfection. Lately we have many projects abroad – in Singapore, Taiwan, the USA and Europe, but, you know, architecture should be connected with a certain time, place and circumstances. Naturally, this brings up the question how we can elaborate projects in different contexts. I want to say one very simple but very important thing... I try to create spaces that people like. I think it is my primary mission. If people don't like what I do, I should figure out where I mistake.

The reason why I am always interested in watching and valuing what we create is my desire to see how the space works and whether it works as an architectural object. We created a media laboratory at Massachusetts Technical Institute. Last year the laboratory celebrated its 25th anniversary. Many researchers spoke about their work and

working conditions. Everybody admitted that, since they started to work in the new building, their scientific work has been more stimulated by the space. I cannot describe how happy I am... They didn't specify how beautiful it was and what materials were used, but the space itself stimulates their everyday life. It was a true professional satisfaction. I heard some other praises about the crematorium building designed by me. I heard people say that they would be happy to die in that place!

We should always think how to please people. Vitruvius formulated three basic values in architecture: strength, utility and beauty. The third principle, *venustas* (translated by universities as beauty) was later interpreted by another scientist not as beauty but as delight. At the present time, many scientists accept the latter interpretation, because beauty is subject to time, culture and even personal taste, while delight is something more fundamental, inherent to both people and animals. If your project, your space can of-

и в дизайнерском офисе Вашингтонского университета в Сент-Луисе.

С 1950 по 1965 год он работал и преподавал в Соединенных Штатах. Он вернулся в Японию и основал свой собственный Makі Associates в Токио. С 1969 по 1992 год он возглавлял жилищное строительство Hillside Terras в Токио. В 2003 году было завершено строительство штаб-квартиры телевидения Асахи, затем в Тайбэе, Тайване и многих других городах Японии и во всем мире, включая новейшие и знаменитые: здание 4 – часть Всемирного торгового центра Манхэттена (2013 год), Фонд Ага

Хан в Торонто (2014 год) и Skyline на Бульваре в Орхаре в Сингапуре (2015 год), Музей Бихар в Патне (Индия), Vuona Vista One-North и Singapore Media Corp. в Сингапуре, культурный центр Sea World в Шэньчжэне (Китай), здание консолидации Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке и блок 20–02 в Бейруте. В Соединенных Штатах он преподает архитектуру и городской дизайн в Гарварде и Вашингтонском университете.

Вернувшись в Японию, он стал профессором Токийского университета. Он интенсивно преподает и читает лекции в Японии, США и Европе. Его работы в составе

> Музей исламской культуры Фонда Ага Хана, Торонто, 2014 г. / Aga Khan Museum of Islamic Art in Toronto, 2014

fer a variety of delights to people, you can consider yourself a happy architect.

Thus, I can say that one of the most important missions of architects is to bring delight through the space created by them...

Short biography

Fumihiko Maki was born in Tokyo in 1928. He took a Bachelor of Architecture degree at the University of Tokyo and a Master's degree at Cranbrook Academy of Art, Michigan and at the Graduate School of Design, Harvard University, the USA. Before returning to Tokyo in 1965 to open his own company, Maki had worked for SOM, Sert, Jackson and Associates, and a design office at Washington University in St. Louis.

From 1950 to 1965, he worked and taught in the United States. He returned to Japan to establish his own firm, Maki Associates in Tokyo. From 1969 to 1992, he headed the

коллектива авторов были опубликованы в издании MIT Press в издательстве «Nurturing Dreams». Маки получил множество высших профессиональных наград, включая премию Вольфа из Израиля (1988), медаль за архитектуру Томаса Джефферсона (1990), золото UIA Medal (1993), премия Арнольда Бруннера из Американской академии искусств и литературы и Praemium Imperiale от Японской ассоциации искусств (1999). Гарвардский университет наградил его в 1993 году премией принца Уэльского за градостроительство. Фумихико Маки является лауреатом ежегодной премии 2014 года IAA, организатора Международного триеннале архитектуры в Софии (2015).

Премия Притцкера была присуждена Маки в 1993 году. В 2011 году Американский институт архитекторов наградил его высшей наградой – Золотой медалью.

1. Нобору Кавазое (1926–2015) – японский архитектурный критик, который играет большую роль в восприятии японской архитектуры на Западе. Член Kavadzoe группы метаболистов и ее бессменный пресс-секретарь. С 1953 по 1957 год он был редактором журнала «Архитектура Японии», первого журнала для архитекторов, который выходит на английском языке с 1956 года

2. Релятивизм не является самостоятельным учением, а скорее системой взглядов, объединенных позиций, в которые связаны такие категории, как знания, мораль и поведение в зависимости от чего-то еще (например, от культуры, исторического момента и языка). Согласно релятивизму, истина и мораль относительны и должны рассматриваться только с точки зрения исторического контекста и господствующих принципов и норм. Согласно такой разновидности релятивизма, как культурный релятивизм, разные культуры определяют и интерпретируют различные явления по-разному, и поэтому в перспективе ни одна культура не может быть использована для понимания и оценки других культур. Моральный релятивизм утверждает мысль, что понимание добра и зла является предметом общественного договора и согласия, и, следовательно, не имеет общего значения

3. Колин Роу (1920–1999) – американский историк, критик и теоретик архитектуры; преподавал в Кембридже, Корнелле и других университетах. В 1995 г. удостоен золотой медали RIBA

4. Кевин Эндрю Линч (1918–1984) – американский урбанист и автор. Он известен своими работами по сенсорным формам городской среды и является одним из первых сторонников психического отображения. Его самые влиятельные книги – «Образ города» (1960) и «В какое время это место?» (1972)

work on the Hillside Terrace complex in Tokyo. In 2003, he accomplished the TV Asahi headquarters, then in Taipei, Taiwan and many other buildings in Japan and worldwide, including the newest and the most famous ones: 4 World Trade Center in Manhattan (2013), the Aga Khan Museum in Toronto (2014) and the Skyline at Orchard Boulevard in Singapore (2015); the Bihar Museum in Patna, India, Buona Vista, One-North and Singapore Mediacorp. in Singapore, the Sea World Culture and Arts Center in Shenzhen, China, the United Nations Consolidation Building in New York and Beirut's Block 20-02. He is teaching architecture and urban design at Harvard and Washington Universities.

After returning to Japan, he becomes a professor at Tokyo University. He is actively lecturing in Japan, the USA and Europe. Being part of teams of authors, he published his works in "Nurturing Dreams" with the publisher MIT Press. Maki has received a lot of high professional awards, including Wolf Prize (Israel, 1988), Thomas Jefferson Medal

5. Манфред Тафури (1935–1994), итальянский архитектор, историк, теоретик, критик и исследователь, считается самым замечательным мыслителем в области архитектурной истории, теории и философии во второй половине двадцатого века

6. Кеннет Фрамpton (1930) – британско-американский архитектор, критик, историк и профессор Колумбийского университета в Нью Йорке. Изучал архитектуру в школе искусств «Гилфорд» и в Архитектурной ассоциации (AA) в Лондоне. Преподавал в Королевском колледже искусств (1961–1964), Ассоциации Архитектуры (AA) (1961–1963), в Принстоне (1966–1971), в школе «Бартлетт» (подразделение Университетского колледжа в Лондоне (с 1980 г.), в Колумбийском университете (с 1972 г.) и сотрудничал с Институтом архитектуры и урбанистики в Нью Йорке

7. Zeitgeist (нем.) – дух времени

8. Дихотомии – так в логике обозначается расщепление общего понятия на два противоречивых вида понятий, одно из которых отрицает другое

9. «Hillside Terrace» представляет собой жилой комплекс. Разработан в качестве коллективной формы жизни, строился в семь этапов с 1969 года в соответствии с меняющимися обстоятельствами в Токио. Много различных стратегий дизайнера были использованы для создания уникальной атмосферы комплекса, отвечая на тонкие топографические изменения, пространственные природные обстоятельства, чтобы создать конкретные общественные места. Успех проекта обусловлен пространственными архитектурными решениями

в Крематорий «Кадзе-но-Ока». Внутренний двор. Токио, 1996 г. / Kaze-No-Oka Crematorium, inner courtyard, Tokyo, 1996

in Architecture (1990), the International Union of Architects Gold Medal (1993), Arnold W. Brunner Memorial Prize awarded by the American Academy of Arts and Letters and Praemium Imperiale awarded by the Japan Art Association (1999). In 1993, Harvard University awarded him with the Prince of Wales Prize in Urban Design. In 2014, Fumihiko Maki received the "Annual Prize" from the IAA, the organizer of the World Triennial of Architecture in Sofia (2015).

The Pritzker Prize was awarded to Maki in 1993. In 2011, the American Institute of Architects gave him the Gold Medal, the highest award.

и целенаправленным развитием общества посредством многих формальных и неформальных мероприятий в сочетании с архитектурным совершенством. Все это делает «Hillside Terrace» уникальной частью ландшафта Токио

10. Илья Пригожин и Изабель Стенгерс – авторы книги «Порядок из хаоса» (Order out of Chaos, University of Michigan: Bantam Books, 1984). Илья Пригожин – лауреат Нобелевской премии за 1977 г. за работы по термодинамике неравновесных систем

11. Мануэль де Ланда (1952) – мексиканский писатель, художник и философ, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке, где он живет с 1975 года; его работы относятся к теории Жюль Делеза и Феликса Гваттари и их связи с теорией возникновения порядка из хаоса спонтанных взаимодействий, более конкретно – в приложениях к искусству, экономике, архитектуре и современной науке, в том числе теории хаоса. Его основное исследование под названием «Морфогенез» – появление непостоянных структур в материальных потоках, которые определяют наш естественный и материальный мир – вызвало большой интерес в различных дисциплинах и областях знаний

12. Utilitas, firmitas, venustas (лат.) – удобство, прочность, красота

1. Noboru Kawazoe (1926-2015) was a Japanese architectural critic, who played a significant role for perception of Japanese architecture in the West. He was a member and a press secretary of the Metabolism Group. From 1953 to 1957, he was an editor of a Japanese architectural magazine, the first magazine for architects published in English since 1956

2. Relativism was not an independent theory, but rather a system of joint viewpoints embracing such categories as knowledge, morals and behaviours, depending on something else (for example, culture, historical moment or language). According to relativism, truth and morality are relative and should be considered only from the point of view of the historical context and prevailing principles and norms. According to such type of relativism as cultural relativism, different cultures define and interpret different phenomena in a different way. Thus, eventually, none of the cultures can be used to comprehend and evaluate other cultures. Moral relativism affirms that the idea of good and evil is a subject of common agreement and therefore has no general meaning

3. Colin Rowe (1920-1999) was an American architectural historian, critic and theoretician. He taught at Cambridge, Cornell and other universities. In 1995, he was awarded the RIBA Gold Medal

4. Kevin Andrew Lynch (1918-1984) was an American urban planner and author. He is known for his work on the perceptual forms of urban environment and was one of the early proponents of mental mapping.

His most influential books are The Image of the City (1960) and What Time Is this Place? (1972)

5. Manfredo Tafuri (1935-1994) was an Italian architect, historian, theoretician, critic and researcher. He is considered the most prominent architectural historian, theoretician and philosopher of the second half of the XX century

6. Kenneth Frampton (born 1930) is a British-American architect, critic, historian and professor at Columbia University, New York. He studied architecture at Guildford School of Art and the Architectural Association (AA) School of Architecture, London. He taught at the Royal College of Art (1961-1964), the Architectural Association (AA) (1961-1963), Princeton University (1966-1971), the Bartlett School of Architecture, London (since 1980), Columbia University (since 1972) and was a fellow of the Institute for Architecture and Urban Studies in New York

7. Zeitgeist (Germ.) – the spirit of the times

8. Dichotomies are defined by the logic as a split of a general concept into two controversial and mutually exclusive concepts

9. Hillside Terrance is a residential complex. It is elaborated as a collective form of living. It was built in seven phases since 1969, in compliance with the changing conditions in Tokyo. The unique atmosphere of the complex was created with the help of various design strategies responding to subtle topographic changes and spacious natural conditions to create concrete public spaces. The project was a success due to spacious architectural solutions and purposeful development of the community with the help of many formal and informal events together with architectural perfection. This makes Hillside Terrace a unique part of the Tokyo landscape

10. Ilya Prigogine and Isabelle Stengers are the authors of "Order out of Chaos" (University of Michigan: Bantam Books, 1984). In 1977, Ilya Prigogine received the Nobel Prize for his contribution to non-equilibrium thermodynamics

11. Manuel de Landa (born 1952) is a Mexican writer, artist and philosopher, professor at Columbia University, New York, where he has lived since 1975. His works focus on the theories of Gilles Deleuze and Felix Guattari and their relation to the theory of the emergence of order out of chaos of spontaneous interactions, particularly, as applied to arts, economics, architecture and contemporary science, including chaos theory. His principal research called Morphogenesis (emergence of unsteady structures in material flows, which define our natural and material world) aroused keen interest among different branches and fields of knowledge

12. Utilitas, firmitas, venustas (Lat.) – utility, strength and beauty